
Сергей Прудников

Собаки

Рассказ

Хозяин унес телевизор.

Сказал: «Семьдесят пять рублей за стандартный пакет каналов. А после Нового года будет девяносто».

«Ну, уноси, уноси», — говорила Лиля, и ей все казалось — хозяин остановится, сжалится. Нет, схватил в охапку, потащил. На пороге споткнулся, чуть не уронил («Лучше бы упал и разбил все вдребезги!») и, не прощаясь, вышел, дверь толкнул плечом. В следующий раз придет через месяц — за арендной платой. Две тысячи рубчиков. Дорого, тем более для их окраины. А еще — телевидение за отдельную плату. Говорят, можно и за полторы, и за тысячу, и просто за квартплату найти — но где она найдет, как? Сил хватает до магазина спуститься. И на остановку, на лавочку, под солнышко. До Вареньки.

Варюшка всегда была сильной — самой сильной среди ровесниц-девчонок. Крупненькая, ладная, звонкая. Здоровая! Ан надо же — к тридцати пяти годочкам сгорела, веточка моя.

Лиля поднимается с кресла, идет закрыть входную дверь. Щелкнув замком, стоит долго на перепутье — куда дальше, на кухню, или обратно в кресло? Поворачивает на кухню, шаркая ногами в шерстяных носках. Опускается на табуретку и проваливается в темное и густое — мысли, как тараканы, бегающие по кухне, и Лиля не в силах их остановить, поймать, подчинить, вымести вон. Закроешь глаза — там те же живчики-тараканы, громкие и липкие, стрекочут крыльями, шелестят колючими лапками, пищат и смеются: «Варенька, Варенька!»

Спасаясь от собственных мыслей, Лиля перемещается в спальню, где еще месяц назад была дочка. Гладит подушку, текут слезы. И торопится обратно в большую комнату, где сидит какое-то время в кресле. А потом перебирается снова на кухню, достает из холодильника макароны и, не разогревая, жует их, безвкусные и липкие.

Тихо.

На окраине их тихо.

А без телевизора совсем тихо стало.

Уж лучше бы стреляли, кто там — украинцы или наши, без разницы — все одно живет! Или пусть бы в дом снаряд какой прилетел, побольше, чтобы одним махом кончить. И чтобы туда, к ней, к Вареньке, щечки ее красные руками гладить, к груди

Сергей Прудников родился в 1982 году в Кызыле (Тува). Окончил исторический факультет Красноярского педагогического университета. Работает в газете «АиФ—Петербург». Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — повесть «Здравствуй, папа» (2017, № 8).

ее плоской, обрезанной, прижаться. Хотя кто знает — что там у них? Может, и с грудью там Варюшка. И здоровая, и сильная, как до болезни. Лиля вообще-то в загробную жизнь не верит. Но чего только не передумаешь, когда день за днем, вечер за вечером, ночь за ночью одна со своим горем.

Самое худшее — утро. Весь день впереди, долгий, бессмысленный и черный. Одна отрада — перерыв на прогулку, до автобусной остановки. Остановка — лавочка под дырявым козырьком — обычно пуста. Редко-редко кто-то рядом, чаще всего такие же старики. Через дорогу блок-пост — кусок бетона и будка, и вояки в драных полушубках с автоматами. Лили раньше и не бывала в здешних краях, только если по дороге в аэропорт, проездом. Они с дочкой — центровые.

Квартиру продали как раз накануне войны. «А во время войны никто и не купил бы, — думает Лилия. — Повезло, выходит?»

Варенька ведь молчала долго. А потом однажды сказала испуганно: «Мама, потрогай, что это у меня в груди?..»

«Повезло! — говорили Лиле накануне операции. — Наш донецкий — светило! К нему со всей Украины едут. Поставит вашу Варвару на ноги. Может, и грудь оттяпывать не придется».

Светило-академик написал сумму — еще в гривнах — на бумажке и положил перед Лилей. Продали свою центровую двухкомнатную и купили «однушку» возле ж/д вокзала — впритык, но хватило. «Повезло», — снова думает Лилия.

Грудь все-таки отняли.

А потом под откос понеслось. Лилия с трудом припоминает последний год.

Продали «однушку», купили лекарства. Сняли первую халупу. Исчезли деньги из квартиры. Лилия в больницу к Вареньке поехала, а когда вернулась — шкаф открыт, бумаги разбросаны, а денежки — тью-тью. И форточка на кухне настезь. Через окно залезли, первый этаж, без решеток. «Твари, нелюди, душегубы!» — клянет их, неизвестных, бесчисленный раз Лилия.

Сняли вторую квартирку — вот эту, на самом краю, дальше катиться некуда. Переехали, дочка на носилках после операции. С одним узлом вещей — всё продали, всё! Даже кисти и краски, и мольберт, и картины, и книги, и фотокарточки старые — прикатил покупатель из комиссии и смел все разом. «Там разберемся, копаться с вами еще, — ругался. — У меня знаете, сколько сегодня таких адресов? Три! Война, всем надо!»

Хотя одна карточка осталась. Тут она, на столике, возле кресла — в целлофановом пакетике вместе с документами. Здоровая, крепкая девочка, первокурсница педагогического института. С длинной льняной косой. «Ну, за такой все студенты бегать будут, если не профессора, — вспоминает Лилия. — А мы еще выберем!»

Бегали, но Варюшка не торопилась. И мать не торопила: «Успеется, доченька, не спешит. Мужиков-то как собак нерезаных, главное, не ошибиться, не повторить мою судьбу...»

Отца своего Варвара не видела лет с десяти, после того, как он — тихий и незаметный — так же тихо исчез. Поехал к больной матери в Белоруссию, на Могилевщину, и не вернулся. Писем не слал. Так и забыли его, уж больно незаметным был папаня — что есть, что нет. Приложиться любил — по выходным обязательное дело. «Это самое страшное, Варя, помни!» — наставляла Лилия. И думала: отвалился, и слава богу, еще не хватало, чтобы дочь с алкоголиком росла, справимся, вдвоем все по плечу. «Тем более у нас есть свой батяка, — говаривала она. — Подрастешь — расскажу. Ты у меня голубая кровь, помни всегда!»

О том, что они не из простых, рассказала давным-давно Лиле ее мать. «Годунов Борис наш предок, прямой прапрапрадед, — поведала, волнуясь, однажды школьнице-Лиле матушка. — Годуновы мы! Но это — тайна. Придет время — скажем, заявим. Пока молчок. Но знай, ты у меня — царская кровь». Тайну мать хранила крепко: отец

Лили — капитан Красной армии, дошедший до Праги и умерший после войны от ран, так и не узнал, кем была его супруга...

Окончив художественное училище, Лиля устроилась в художественный комбинат и специализировалась на Ленине. Портреты Ильича требовались и в школах, и в техникумах, и на производстве, и в санаториях. Считай, половину Донбасса художник Л.В. (росчерк на оборотной стороне картины) вождем пролетариата обеспечила. Отбоя от заказов не было. В хорошие времена по три-четыре портрета в неделю писала. И получала прилично — двадцать рублей за единицу. Уж побольше, чем растяпа-муж, столяр второго разряда. Жили хорошо. Мебель польская, сервизы германские. Поездки на отдых в Коктебель и Клайпеду. Две тысячи с верхом на книжке для Варюшки.

Все это вместе с комбинатом и Лениным обрушилось, когда Ильич стал больше никому не нужен. И вообще никто больше стал не нужен. Она и рада бы переквалифицироваться, писать портреты, к примеру, руководителей-демократов, но куда там: тут коммерческую жилку надо иметь. Покумекала-покумекала и пошла в школу через дорогу — детей рисованию учить. В первый же день Ленина своего встретила, на стене в учительской. Не скovyрнуло время! Он, дедушка, и до сих пор ведь там висит, за заколоченной дверью. После того как в начале войны школу обстреляли и охранника убило, — педагогов сократили, а школу закрыли.

Из-за стены слышен мужской голос. Лиля морщится, ей невыносимы мужские голоса. «Все из-за них, — шепчет она, добавляя привычное: — Собаки». И перебирается в спальню.

Муженек — не к ночи помянут — укатил тридцать лет назад, и ни слуху, ни духу больше, думает Лиля. Деньгами не помогал. Все на себе тащила. Видать, у себя там в Белоруссии и помер пьяный под забором — такие долго не живут. А если жив, почему не узнает, не поинтересуется — как жена, как доченька в этом ненормальном Донбассе?! — скрипит зубами Лиля, глядя в темное окно.

Или хирург — светило хуторского масштаба, бородавка в полщеки, толстые пальцы, выводящие цифру на бумаге, в глазах одни нули, нули, как в игровых автоматах. Аферист! Пошли бы к обычному врачу, как собирались, а еще лучше к женщине — глядишь, и жива бы Варюшка осталась. Уже после похорон узнала — светило-то и здоровым ставил страшный диагноз, целый лохотрон наладил. Оттого, видать, и сбежал — тут бы его рано или поздно вывели на чистую воду. Сейчас в Киеве купоны стрижет да в гроб несчастных загоняет.

Воры, что деньги умыкнули — тоже, ясное дело, собаки-мужики. Помнит как сейчас: во дворе трое хмырей, один нерусский, околачивались. Вечер за вечером. Из окошка выглянешь, а они там, три истукана. Почему в милицию не сообщила? Живо бы забрали куда надо. А еще лучше — воякам: вон де, посмотрите — фашики, диверсанты, разберитесь! Не может она с тех пор на молодых мужиков смотреть в черных куртках, без дела стоящих, тем более, нерусей. Зачем их земля родит? Только для горя?!

И началось все ведь с них — мужиков, оттуда ниточка идет. Оттуда болезнь страшная. Не убереглась, веточка. И она, дура старая, не доглядела!

«Борис, Борис», — поселилось в их доме той весной. Варя стала пропадать, стрекоза, вечером не дождешься. А Лилию раздирали сомнения, вроде бы пора — двадцать с лишком, все подруги замуж повыскакивали. С другой стороны — упорхнет сейчас, ненаглядная, как муженек когда-то, и все, пиши пропало, не дозовешься — доченька, а как же мать? Что, в квартире одной после работы куковать, до старости, до смерти? Только при одной мысли об одиночестве Лилию начинало потрясывать, как в детстве, когда она совсем маленькая сидела вечерами в темноте дома, а мать задерживалась на службе. Надо же, годы прошли, а будто и не повзрослела, — удивлялась сама себе Лиля. И гнала тревожные мысли прочь — как-нибудь уладится. Единственное, что примиряло Лилию с незнакомым пока избранником дочери — имя

его. «Как деда, — ухмылялась Лиля, — царя-батюшку. Может, и не случайно. Может, сама судьба подкинула им Бориса, и напрасно она, паникерша, беспокоится. Никто ее дочуру, по крайней мере пока, никуда не увозит, матери не лишает, — смеялась уже сама себе Лиля. — Сейчас, час-другой, и появится моя ненаглядная. А я ей ужин. И чаю свежесваренного. Кушай, пей, золото. И голову там не теряй. Помни: какие бы мужики ни встречались на пути — мать все равно дороже, мать никогда не бросит, не предаст», — перебирает в памяти несказанные слова Лили. И снова мочит слезами подушку — все закончилось, все, как не было...

Бориса Лиля увидела только раз. Выбежала в магазин вечером — а они через дорогу, голубчики. Машина большая, черная — джип. И он под стать машине — мордovorот, очки черные, куртка-кожанка, голова бритая. И она — Варюшка — тоже немаленькая. И оба с сигаретами — Варя тогда уже курила, не пряталась, мать не попрекала.

Лиля развернулась на месте и заспешила обратно — не до магазина! В подъезде перевела дух — сердце колотилось, вот-вот выпрыгнет. «Ну, встреча!» — повторяла она про себя, перепрыгивая через две ступеньки.

А вечером за ужином спросила дочь: «Чего прячетесь-то?»

Варвара подняла удивленные глаза, но промолчала. Кажется, тогда-то и не заладилась у них что-то с Борисом.

О том, что Борис этот не последний человек в городе, Лиля узнала позже, когда сидели с Варей в квартире, нос наружу не казали.

Два дня дочь не появлялась дома — Лиля так же, как сейчас, сидела у темного окошка до поздней ночи, прислушиваясь к звукам на улице, вздрагивала от шорохов. Варя появилась ранним утром. Не отвечая на расспросы матери, заперлась в ванной, потом у себя в комнате. Из рваных ответов Лиля поняла — Варвара связалась то ли с крутыми бизнесменами, то ли с крупными бандитами. Видела многое, слышала многое — ей доверяли. Потом застала Бориса с другой женщиной. Устроила скандал — при посторонних людях. Собралась уходить, но ей не дали — слишком много знала. Посадили под ключ. А сегодня утром без объяснений вдруг вытолкали. Но пригрозили — еще придем, жди! «Жизнь моя теперь на волоске, — спокойно сказала Варя. — Там непростые люди. Я и вправду многое повидала на свою голову...»

«Тогда и подломили веточку мою, — вздыхает Лиля. — И болезнь, верно, тогда родилась. Все от стрессов. От кобелей этих окаянных».

Телефон отключили. К окнам не подходили. В магазин за продуктами только Лиля. Обе стали ближе в те дни. Спали на одной кровати, как когда-то в детстве, когда Лиля прогоняла мужа с ложа — лишний, мешаешь, — укладывая рядом малышку. Так прошел месяц, другой...

Как-то вечером, у подъезда, к Лиле подошла незнакомая женщина.

— Вы мама Варвары?

Лиля прижалась к стене, онемела.

— Передайте ей, чтобы не беспокоилась. И не боялась. С вашей Варвары вопроса нет. Ничего такого она не видела, что видеть нельзя. Про нее и забыли в тот же день. Пусть живет, как жила.

И добавила, помявшись:

— А Бориса нет больше. Вы только... осторожнее ей об этом.

Лиля снова бежала наверх через две ступеньки. А потом обратно через две. Нет, рано домой, надо обдумать, понять! Уйдя в темноту, она долго бродила по улицам, не видя и не слыша ничего. «Пусть живет», «Не беспокойтесь», «Не говорите», «Осторожней» — да что ж это такое?! Опутали паутиной. Врут, выманить дочь хотят и вслед за Борисом отправить. Они ж свои жертвы в Донецкое море бросают с вышки, в целлофановых мешках — по телевизору рассказывали.

О произошедшей встрече Лиля Варе не сказала ни слова. А еще в тот день ей стало спокойнее, будто камень с души упал. Жить, так жить. Погибать, так погибать. Не ушел

от смерти царь Борис, и мы не уйдем, как ни вертись. Не царское это дело по углам трястись. Оттряслись!

Жизнь потихоньку начала налаживаться.

Варя стала выходить из дома, а потом и снова пропадать — не дожدهшься. «В лес я, в пригород, за Ботанический сад, — успокаивала она мать. — Мне там лучше. Легче дышится. В квартире что ли все время сидеть?» — подруг у Вари было мало — одна-две институтские, да и те давно семейные, вечно занятые.

В том сентябре Варюшка устроилась учителем биологии в школу к маме, через дорогу. Оттаяла постепенно. Улыбка вернулась. Румянец. Подруги новые какие-никакие завелись. И даже претендент на сердце — профессор-преподаватель из педагогического института. Лиля уже и рада — «Стройте семью!». Но Варя не спешила.

Того, второго и последнего, звали Евгением — года три после Бориса прошло. Крупный чиновник из России. Из правительства. Из Кремля. Приметил Варю на концерте в филармонии. В тот же вечер пригласил в ресторан. И понеслось с горы по новой, потеряла Варвара голову пуще прежнего.

Приезжал из Москвы раз-два в месяц. Три раза Варя вместе с ним летала в белокаменную, хорошо еще — лето, каникулы, иначе профукала бы работу, не удержать ведь.

Хотя и кривилась уже дочка: «Школа». Понятно — другие планы. Жених-москвич. Новая жизнь. Там, глядишь, и мать — будущую тещу — заберет с собой, подумывала Лиля. Не вечно же, в самом деле, в этих обшарпанных стенах прозябать, с учениками оголтелыми мучиться. Тем более, она ведь не училка, она — художник! К живописи, глядишь, вернется. Мольберты, краски, кисти, все под рукой — столько лет не трогала. Ждали жениха, не торопились — вот и пожаловал. Лиля с усмешкой вспоминала худосочных и никчемных одноклассников Вари. Да профессора-преподавателя — без пяти минут пенсионера, все звонил: «Можно Варвару Игоревну?» И Бориса, что живой и мертвый мурыжил их, столько покою, подлец, не давал...

Обрушилось все в один миг. «Заговоренные мы что ли?» — скрипит зубами Лиля, глядя влажную подушку, находя успокоение в светлых воспоминаниях, но неизменно проваливаясь в темные. Она знает про себя — не заснет, пока не докрутит бедовую пластинку до конца, до прощальной точки. После провалится в мучительное забытие, так не похожее на сон. А с утра начнет свой кошмар по новой.

Из последней поездки в Москву дочь вернулась черная.

Из скупых реплик составила картину. Жила в гостинице, в апартаментах. На Красную площадь водил. В Кремль. Потом открылось — женат! Даром что обручальное кольцо не носит. И супруга жива и здорова, а не погибла от неизлечимой болезни два года назад. И детки есть — взрослый и махонький. Вот те раз! Но отпускать ее, Варю, не желает, так как магнетизмом она обладает редким, а мужики ведь всю жизнь ищут такую, чтобы тянуло, чтобы не отлепиться, чтобы ожить, чтобы страсть чувствовать, а не влачить полусонное существование.

«Мне счастья полноценного, а не обрезанного надо, — шептала Варя. — Единственной хочется быть. Не отдушиной, не подпоркой, не жилеткой для слез. Он же поплакаться любил — как тяжело, как сложно и запутанно, и несправедливо все вокруг. Женой хочу быть! А не любовницей, не сестрой, не матерью...»

Запер, ирод. Сказал — не отпустит.

Сбежала!

Автобусами ехала — еле доволокалась.

И снова потянулись дни тревог и затворничества. Искал — не искал, не знают. Варя к подруге переехала. На телефонные звонки Лиля не отвечала. По вечерам гасила свет рано и дежурила у окна, выглядывая во двор — не появятся ли незваные гости? Ей представлялось, что обязательно должны подъехать два лимузина — блестящие и белые, из одного выходит незнакомый ей до сих пор Евгений в белом же костюме и белых туфлях с большим букетом белых роз. И спешит к ним на третий этаж. Лиля

после настойчивых звонков распахивает дверь настежь: «Явился, жених?!» И дальше по пунктам: «С женой? А может, с детьми? Москвич! Кремлевский!», — швабра у Лили всегда в коридоре, под рукой, и шваброй его с лестницы до самого белого лимузина, с розами. А потом обратно к себе, к окну, с платочком у глаз: «Не сердчай, Евгений. И рада бы тебя принять чин по чину. Но нельзя. Не по закону. Езжай к себе, жена, поди, ждет, и махонький без отца плачет. Там тебе место. А сюда забудь дорогу». И Варюшке после: «Выпроводила! На то и мать, что дите свое всегда защитит».

В те дни, забегая за вещами, на вопрос матери: «Ну, что у тебя?» — Варя усмехнулась: «Ищет, конечно. В Москву хочет увезти. Затворницей сделать!»

В тот же самый вечер, неся свою вахту у окна, вспоминая деда-царя Бориса, Лиля вдруг дошла до такой простой и очевидной мысли: «Да ведь не Варя им сама нужна. А наследница! — Лиля аж подпрыгнула. — Изолировать хотят, чтобы не дай бог чего. Чтобы не заявила о себе». Лиля вспомнила: «Придет время — скажем, заявим». Там, наверху, чай, не дураки сидят. Кому захочется местом делиться? — Лиля встала, не в силах усидеть. — Варя ж сама рассказывала, что девчонкам хвастала еще в школе про Годунова. И она, дура старая, на празднике в школе однажды, выпив вина, разоткровенничалась. И понеслась весть по свету. Кто надо — услышал. Не случайно из всех баб в этой филармонии он — кремлевский посланник — ее, Варюшку, выбрал. Специально приехал. И в Москву увез. И песни напел — волшебная, золотая, магнетическая. И в Кремль сводил — значит, так надо, — Лиля ахнула. — Под стражу взяли решили, до конца жизни, видно. А она сбежала, умница, — Лилю колотило уже. — Все просто, очевидно все!

Припомнила Лиля и слова матери: «Приедут из столицы, возьмут за руку. Держи ухо востро!». Смысл этих слов ей открылся только теперь. И еще: «Там все известно. У них такие, как мы, на учете. Просто взять и убить они не могут — слишком велика цена. Вспомни государя Николая. В кровушке царской большая сила, ей просто так не расплескиваются». Эти слова Лиля долгое время воспринимала как потешную побаску, в которой нет никакого смысла.

А был ли случаен Борис, первый, кровавый? И случайно ли ее, Варю, пощадили? И — как последняя капля — всплыли в памяти слова встреченной много лет назад на паперти возле церкви юродивой, замотанной в темные тряпки, которая заголосила вдруг прямо в лицо проходившей мимо Лиле: «Бориска, Бориска, Бориска, Бориска!..» — и еще велел: «Кровушка!», — и Лиля, перепуганная, бежала прочь от страшной старухи через газоны и клумбы, шепча только: «Мама!..» — сама ставшая мамой в тот год...

«Вот тебе клубочек и размотался», — шептала, сидя у окна, Лиля.

В тот год началась война. Снаряды грохотали на окраинах и в самом центре Донецка. Кто-то с кем-то выяснял отношения, кто-то куда-то снимался и бежал. Лиля старалась на происходящее не обращать внимания. Телевизор не смотрела — своих забот хватает. Той же весной высадила огорожок во дворе за домом, участок отдала уехавшая соседка: «Пользуйтесь, зачем земле простаивать, мы нынешним летом, наверное, уже не вернемся». Лиля перекочевала из квартиры в огород — все к лучшему. А война, что война? — не сегодня так завтра закончится. Договорятся. У нее одно беспокойство — дочь, головушка бедовая. А вы уж там как-нибудь сами!

В один из тех дней пришла с вещами Варя. Прижала руку Лили к своей груди: «Мама, посмотри, — что это у меня?» — «Где?» — «Да вот же» — «Шишечка вроде. Да такая крупная!»

Лиля еще ничего не понимала.

В тот же день она выложила дочери все. И про царскую кровь. И про Москву. И про неслучайные случайности. И про то, что о них помнят, знают. И про — «придет время, откроется».

А Варя возьми да ошарашь:

«Мам, я и сама обо всем догадывалась», — и Лиля прижала к себе крепко раньше времени поседевшую на висках головушку дочери и разрыдалась от переполнивших чувств.

Позже, после диагноза, после химиотерапии, мать решила для себя: не дадут погибнуть. И даже пальцем кому-то погрозила — не в праве они дать. Не так все просто, собаки! И добавила всплывшее в памяти, чуждое, но верное и важное: «Ничего не бойся, только веруй».

И снова легче стало Лиле.

А вот Варя легче не становилось.

И война не проходила. И никто ни с кем не договаривался.

В школу в новом учебном не вышли. Питались скудно. Выручал огородик. За пенсией требовалось ехать теперь за «кордон», через блок-посты, стоять в очередях часами, прятаться от пуль. И так — каждый месяц. Лилия попробовала, было, один раз пробиться туда, да повернула с полдороги, побежала обратно, до дому, до хаты, от «кордона», от блок-постов, очередей, мата, плача, слез, криков, стонущих от жары людей. «Нет, не сейчас, не пробиться. К Варю надо, к Варю! Пока протянем, пока можем...»

Снизу истеричной трелью заливается собака — рыжая чихуахуа соседки Гали, и очнувшись от морока, Лилия вперемешку с собачьим лаем слышит трель автоматов где-то далеко. Собаки!

За «кордон» она бы и рада уже скататься за кровными, — но после смерти Вари перестали слушаться ноги — в считанные недели превратилась в дряхлую старуху. Соседка Галя приносит Лиле через день горячего — борщ, суп, ароматный чай в банке. Через раз же соседка заводит одну и ту же песню: «Вам бы в дом престарелых, Лилия Ивановна? Я ведь не смогу помогать вечно...» Лилия вздыхает: «Потом, потом, может быть. А пока дайте дух перевести». Не до домов ей сейчас.

За год до смерти Варя снова повадилась ездить в Ботанический сад — в косыночке уже ходила после химиотерапии. Тянуло, видать, что-то.

С краю от Ботанического, у тухлого пруда-ставка, на месте сгоревшего в прошлую войну хутора, люди поговаривали, — творились странные вещи. То старика-гномика ниже травы кто встретит, то мальчика-пастушка с проплешиной на лице, то собак-телят. Но мало ли кто что говорит...

«Может, позвонить Евгению твоему московскому? — как-то обмолвилась Лилия. — В клинику столичную бы тебя устроил. Без толку все мыкаемся, дочка...»

Варя подняла спокойные глаза:

«Ни-ни, мама».

«Чего уж терять!» — махнула рукой мать.

А Варя:

«Слушай меня: мальчишку встретила в перелеске, у Ботанического, пастушка, лица как нет. Еще на прошлой неделе. Сама уже подумывала — выйти на связь с Москвой. А пастушок: “Ни-ни, Варвара! — с того берега. — Ни-ни!..”»

Лилия испугалась — в уме ли дочь? Но быстро одернула себя — не все так просто в этом мире. Раз говорят — «нет» — значит «нет». Напрасно таких знаков никто посылать не станет.

И согласилась: «Тебе виднее, доченька».

Как-то в те дни она встретила физрука из школы — раньше бы обошла стороной, а теперь война сблизилась всех. Остановились, перекинулись словом. Физрук — Валентин, лысина, отчества не помнит, как-то странно посмотрел на нее, спросил про дочь — слышал, что болеет. Пожелал не падать духом — дончане крепкие! И сказал напоследок: «А кто это вас так напугал, Лилия Ивановна?»

Лиля зашаркала по делам, не ответив. Пуганные-перепуганные, а не напугаешь! Но почему-то испугалась словам физрука. Как будто пощечину мокрую кто влепил или нашатыря дал понюхать.

В тот же день она попробовала отговорить Варю ходить в Ботанический.

«Хватит, перестань! — как-то по-настоящему испуганно сказала Лиля. — Может, подругу проведаешь? Или мне на огороде поможешь? Или, — Лиля запнулась — а что "или"? Но нашлась. — Тебе покой нужен. Отдохни дома. А может, — она обрадовалась пришедшей мысли, — профессору позвонить, а? Он же звонил — полгода назад, как все началось. Я трубку положила. Зря, наверное. Позвони, дочь. Глядишь, вместе к нему на ужин сходим. Война, люди друг к другу тянутся...»

А Варюшка в ответ спокойно так же:

«Присядь, мам».

И еще рассказала — про собак-телят, что пастушок пас. Пастушка, правда, с тех пор она не видела. А собак — они крупные не по-собачьи и пегие, и уши торчком, как у телят, и хвосты, как плети, тонкие — встречает каждый день. У них и бревнышко общее есть — только она придет, они тут как тут, из кустов выглядывают, ждали, ноздри раздувают, пасти растягивают в улыбках, как человеки, пыхтят, слюну пускают, ластятся. Ушами воздух стригут, хвостами вертят, и кто у ног устраивается, кто на плечи лапами-копытцами лезет. И лицо ей лижут, и руки, и скулят, а то и подвывают — от радости. Как-то она и заснула с ними — клубком свернулась на травке, а они кругом. Проснулась — никого, одна, и смеркается. Отряхнулась, пошла на остановку — хорошо, на последний автобус успела, а то бы пешком ковылять. Рада была и в лес вернуться и там переночевать, не страшно — но зачем мать тревожить...

Чувствуя приближение сна, Лиля думает, что собаки-телята, видно, ждали Варю после ее смерти. И не дождалась. А она, старая, и не догадалась к ним навеститься. А теперь поздно, все поздно.

Завтра она пойдет к Вареньке — на остановку, два дня не заглядывала. Если кто-то спросит: «Что вы тут?» — она расскажет все без утайки. Что последние полгода, пока Варюшка ездила на уколы в больницу, Лиля встречала ее на этой остановке, сразу у блок-поста. Варюшка приезжала после обеда — маршрутка № 34 — тоненькая, с обрезанной грудью. Выходила, шатаясь, держась за поручни, — мать тут же под руку. И слезы у Лили на глазах, как сейчас — что ж они с нами, дочка, сделали!

Хоронили Варвару в могилке без памятника — холмик, безымянный крест — спасибо городу, выделил денег. Но с тех пор на могилке она и не была, не знает, куда ехать. И спросить не у кого. Да и знала бы — не добраться, силенок хватает только вдоль стенки в квартире. Да до остановки. Лиля даже после смерти всякий раз ждет — вот сейчас подойдет 34-й, а там ее кровиночка, в косыночке: «Мама!», и улыбается, как солнце.

«Вот так и ждете?» — переспросит обязательно сосед по лавочке, качая головой. «Вот так и жду», — Лиля дрожит губами.

Завтра должна Галя зайти — два дня как не поднималась. В последний раз опять завела свою волынку: «Вам бы в дом престарелых...» Лиля рукой махнула. Галя скривилась, собрала банки, хлопнула дверью — знак того, что день-другой не появится. Но сердце не железное — как там эта старуха, не ровен час помрет, если горячего не принести! Лиля улыбается и благодарит судьбу за то, что послала ей Галю.

А про батюшку Бориса Лиля молчит — ни Гале, не приведи Господь, ни старикам под козырьком на остановке! Никому. Ни-ни! Что бы ни случилось — молчи. А кто надо — знает.

Проваливаясь в сон, Лиля вспоминает привычным словом мужа-недотепу: «Жил и не знал, с кем жил, дуралей!..»